
К 45-ЛЕТИЮ ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ РАН
И 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Б.Ф. ЛОМОВА

УДК 159.95

ФЕНОМЕН КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ КАК ОСНОВА ПРОДУКТИВНОСТИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ¹

© 2017 г. М. А. Холодная^{а*}, С. А. Хазова^{б**}

^а Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт психологии РАН;
129366, Москва, ул. Ярославская, д.13, Россия.

^б Костромской государственный университет; 156000, Кострома, ул. Дзержинского, д.17, Россия.

* Доктор психологических наук, зав. лабораторией психологии способностей
и ментальных ресурсов им. В.Н. Дружинина. E-mail: kholod@psychol.ras.ru

** Доктор психологических наук, профессор кафедры специальной педагогики и психологии.
E-mail: hazova_svetlana@mail.ru

Поступила 13.02.2017

Аннотация. Представлены результаты теоретического анализа и эмпирических исследований роли феномена концептуализации относительно продуктивности интеллектуальной деятельности и совладающего поведения. Концептуализация понимается как понятийная познавательная деятельность, обеспечивающая качественно новую форму понимания происходящего и качественно новый способ саморегуляции поведения. Предлагается рассматривать феномен концептуализации в четырех аспектах: структурном, функциональном, процессуальном и результативном. Излагаются эмпирические результаты, характеризующие два аспекта концептуализации: функциональный (связь концептуальных способностей с продуктивностью интеллектуальной деятельности в подростковом, юношеском и взрослом возрасте) и результативный (особенности концептуальной модели трудной жизненной ситуации как фактора совладающего поведения).

Показано, что понятийные (прежде всего концептуальные) способности выступают предиктором продуктивности интеллектуальной деятельности не только в рамках психометрических измерений, но и на уровне реальных (академических, интеллектуальных, творческих, профессиональных) достижений. В пожилом возрасте особенности концептуальной модели ситуации старения сопряжены с психологическим благополучием и сохранением активности. Разные стили юмора как концептуальной способности, связанной с продуцированием смешного, инициируют разные стратегии совладания с трудной жизненной ситуацией.

Ключевые слова: концептуализация, концептуальные структуры, понятийные способности, концептуальные способности, процесс концептуализации, концептуальная модель, интеллектуальная деятельность, совладающее поведение.

DOI: 10.7868/S0205959217050014

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЙ

Как осуществляется открытие новых знаний, когда, на первый взгляд, для этого нет никаких предпосылок? Каким образом человек находит

выход из, казалось бы, безвыходной ситуации? Иными словами, какова природа способностей, которые позволяют принимать эффективные решения и управлять своим поведением, если необходимая информация не представлена в актуальных внешних обстоятельствах и отсутствует в ранее усвоенном опыте?

На наш взгляд, в качестве психического фактора, обеспечивающего качественно новую форму понимания происходящего и качественно новый способ саморегуляции поведения, выступает

¹Работа выполнена в рамках Государственного задания ФАНО, тема № 0159–2017–0005 “Ментальные ресурсы человека: типология, организация, связь с продуктивностью разных видов деятельности” (за исключением раздела “Концептуализация трудной жизненной ситуации и совладающее поведение”).

способность к концептуализации происходящего, являющаяся важнейшим аспектом функционирования понятийного мышления.

Согласно Л.С. Выготскому, понятийное мышление является ключевым ментальным ресурсом. Формируясь к подростковому возрасту, оно качественно меняет все формы интеллектуальной деятельности и обеспечивает возможность произвольной регуляции поведения [6]. Л.М. Веккер подчеркивал, что понятийное мышление оказывает влияние по типу “сверху вниз” на все основные когнитивные процессы, увеличивая их продуктивность и обеспечивая формирование целостной структуры интеллекта [2]. Л.А. Ясюкова пришла к выводу о том, что понятийное мышление создает зону ближайшего развития детского интеллекта, обеспечивая потенциал для успешного обучения на всех этапах школьного образования [21]. Р. Ли в рамках теории концептуального интеллекта утверждал, что человеческий интеллект — всегда понятийный, возникающий как результат понятийного мышления (мышления в понятиях) и понятийного обучения (мастерства в усвоении и использовании понятий) [26].

В контексте современных психологических исследований проявления феномена концептуализации могут быть описаны как некоторая последовательность ментальных явлений: концептуальные структуры (концепты) — понятийные способности (семантические, категориальные, концептуальные) — процесс концептуализации — ментальная репрезентация происходящего (его концептуальная модель). Рассмотрим эти проявления концептуализации более подробно.

Концептуальная структура (структурный аспект концептуализации) — это ментальное образование “внутри” индивидуального ментального опыта, референтное определенным знакам (прежде всего знакам естественного языка) и выступающее в качестве психического носителя понятия как единицы исторически сложившейся системы знания. Отличительные черты концептуальной структуры (концепта): дифференцированность и иерархизированность содержания; процессы словесно-образного перевода на разных уровнях обобщения; интеграция разных психических модальностей, включая сенсорно-эмоциональный опыт; избирательная активизация связей с другими концептами [19]. Концептуальные структуры (как продукты усвоения житейских и научных понятий) выступают в качестве психической базы для формирования понятийных способностей и развертывания понятийного мышления, а также в качестве механизма

продуктивности разных видов интеллектуальной деятельности [4; 5; 19; 24].

Понятийные способности (функциональный аспект концептуализации) — это психические свойства, обуславливающие формирование и обогащение семантических сетей, использование категорий разной степени обобщенности и оперирование разноуровневыми категориальными признаками, порождение интерпретаций, обоснований, доказательств, гипотетических допущений. В разных исследованиях понятийные способности представлены как “*semantic and symbolic intelligence*” (J.P. Guilford), “*the ability to do abstract thinking*” (J. Sattler), “*conceptual intelligence*” (R. Li), “*generative thinking*” (T. Ward, C. Sifons), “*понятийное мышление*” (Л.С. Выготский; Л.М. Веккер).

Можно говорить о трех видах понятийных (*conceptual*) способностей: 1) *семантические* (*semantic*) — формирование семантических сетей и оперирование содержанием словесных знаков; 2) *категориальные* (*categorical*) — использование категорий различной степени обобщенности и выделение релевантных категориальных признаков объекта мысли; 3) *концептуальные*, или порождающие (*generative*) — порождение новых ментальных содержаний [19]. Уровень сформированности понятийных способностей определяется мерой дифференцированности и интегрированности концептуальных структур (концептов) как единиц индивидуального понятийного опыта.

Особый интерес в контексте изучения факторов продуктивности интеллектуального и социального поведения представляют концептуальные способности. *Концептуальные способности* — это психические свойства, обеспечивающие возможность порождения некоторого нового ментального содержания, имплицитного по отношению к внешнему воздействию и наличным индивидуальным знаниям и в то же время обеспечивающего воспроизведение объективно значимых характеристик происходящего (способности выявлять скрытые признаки и закономерности, предлагать варьирующие и альтернативные интерпретации, формулировать предположения о причинах, строить опережающие прогнозы, формировать метафоры, создавать нарративы и т.д.). Таким образом, мы имеем дело с принципиально новым — порождающим типом интеллектуальных способностей, которые обеспечивают, с одной стороны, активное конструирование новой ментальной продукции, с другой — контроль процесса переработки информации при построении объективированной ментальной репрезентации происходящего (там же).

Заметим, что концептуальные способности не представлены в качестве объекта исследования в отечественных и зарубежных исследованиях. Так, каталог способностей в рамках современной СНС-теории — иерархической модели интеллекта, названной по фамилиям трех наиболее известных в этой области специалистов, таких как Р. Кэттелл (*Cattell*), Дж. Хорн (*Horn*) и Дж. Кэрролл (*Carroll*) и претендующей на описание всех известных на данный момент интеллектуальных способностей (всего их около 80), — включает только одну концептуальную способность, а именно *Чтение — Grw* (понимающее чтение и способность написать рассказ).

Процесс концептуализации (процессуальный аспект концептуализации) — это умственные действия, обеспечивающие особую форму понимания происходящего (конкретной ситуации, события, другого человека, самого себя, миропорядка в целом). Процедуры концептуализации: обобщение, абстрагирование, идеализация, моделирование, интерпретация, доказательство, обоснование, поиск адекватных вербальных и невербальных средств для описания порожденных ментальных содержаний. Качество процесса концептуализации определяется уровнем сформированности понятийных (прежде всего концептуальных) способностей.

На основе процесса концептуализации субъект наделяет объекты внешней (объектной, природной и социальной) и внутренней (интрапсихологической) среды ресурсным значением, приписывая им смысл (личностную значимость) и ценность (полезность) для достижения определенных (позитивных) результатов, в широком плане — для поддержания и развития субъектной активности [18].

Концептуальная модель (результативный аспект концептуализации) — это индивидуальная форма понимания соответствующей предметной области (ее “ментальная картина”). Концептуальная модель предполагает наличие разнообразных контекстов, вариативных интерпретаций, разных уровней обобщения, то есть в процессе концептуализации самим субъектом формируется многомерное ментальное пространство, создающее предпосылки для выбора способа осмысления конкретной ситуации и последующих действий в этой ситуации. В то же время концептуальная модель имеет децентрированный и объективированный характер, поскольку в ней воспроизводятся референтные с точки зрения целей субъекта и существенные с точки зрения природы сложившейся ситуации аспекты происходящего. Следует

согласиться с тем, что именно особенности понимания как сложно организованного психического состояния, включающего знания, смыслы, переживания вплоть до элементов экзистенциального опыта, являются ключевым фактором, определяющим уровень психологической зрелости человека и качество его жизнедеятельности [8].

Таким образом, феномен концептуализации может быть описан четырьмя аспектами (звеньями): 1) структурный (концептуальные структуры как единицы индивидуального понятийного опыта); 2) функциональный (уровень сформированности понятийных — семантических, категориальных, концептуальных — способностей, которые организованы по принципу “вложенности”; 3) процессуальный (процедуры концептуализации); 4) результативный (концептуальная модель происходящего).

В целом концептуализация нацелена на то, чтобы обнаруживать “зародыш новых существований”, конструировать “проекты” как ресурсы для “сотворения новых родов бытия” [20, с. 65]. В широком смысле слова, назначение концептуализации — это не только открытие нового знания о мире (то есть поиск истины), но и открытие новых возможностей мышления и индивидуального Я.

Целью данной статьи является изложение эмпирических результатов, характеризующих два аспекта феномена концептуализации: функциональный (роль понятийных способностей относительно продуктивности интеллектуальной деятельности, в том числе с учетом реальных достижений в подростковом, юношеском и взрослом возрасте) и результативный (особенности понимания трудной жизненной ситуации как фактора совладающего поведения).

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ СПОСОБНОСТИ И ПРОДУКТИВНОСТЬ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В серии наших исследований была продемонстрирована роль понятийных (прежде всего концептуальных) способностей относительно разных аспектов продуктивности интеллектуальной деятельности.

В частности, согласно результатам факторного анализа, в старшем подростковом возрасте ($n = 51$) показатель категориальных способностей (в терминах методики “Обобщение трех слов”, позволяющей оценить способность находить строгие родовые категории для трех слов, принадлежащих

разным семантическим областям) и показатель концептуальных способностей (в терминах методики “Понятийный синтез”, которая выявляет способность формировать связи между тремя не связанными по смыслу понятиями, создавая некоторое множество осмысленных предложений), сопряжены с невербальной креативностью (сумма z -оценок всех показателей по методике Торренса) и аналитическим интеллектом (сумма баллов по шкале Равена) (первый фактор, 51.0% общей дисперсии; факторные веса показателей 0.742; 0.810; 0.775; 0.840 соответственно) [15]. Этот, на первый взгляд, удивительный факт не только демонстрирует роль понятийного опыта в появлении креативных идей, но и свидетельствует о единстве трех разных аспектов концептуальных (порождающих) способностей: конструирование “невозможных” связей между понятиями, дополнение множеством ментальных деталей изначально пустых графических фигур, выявление скрытых закономерностей в ряду визуальных стимулов.

Аналогичный результат был получен на другой выборке старших подростков ($n = 115$): в рамках факторного анализа выделился фактор (15.6% общей дисперсии), в состав которого вошли показатели понятийных способностей в терминах субтестов шкалы Амтхауэра “Дополнение предложений” (0.59), “Аналогии” (0.79) и “Обобщение” (0.77) вместе с показателем невербальной креативности “разработанность” (0.53). То есть был воспроизведен ранее полученный факт: понятийные способности связаны именно с невербальной креативностью (главным образом за счет показателя “разработанность”) [7].

Характерно, что уровень сформированности понятийных способностей связан не только с психометрическими показателями интеллекта и креативности, но и с реальными достижениями. В частности, в старшем подростковом возрасте ($n = 102$) именно концептуальные способности (показатели методики “Понятийный синтез”) являются наиболее значимым предиктором интеллектуальной компетентности в терминах меры сложности порождаемых авторских текстов — сочинения на свободную тему и интерпретации моральной дилеммы [13].

На выборке студентов ($n = 110$) в результате конфирматорного факторного анализа показателей вербальной и невербальной креативности, понятийных (категориальных и концептуальных) способностей, аналитического интеллекта (по шкале Равена), реальных интеллектуальных достижений (в терминах оценки преподавателями качеств продуктивного мышления студентов,

их социометрического интеллектуального статуса в учебной группе и академической успешности) были получены следующие латентные факторы: аналитический интеллект, креативные способности, понятийные способности, интеллектуальные достижения и интеллектуальный ресурс ($Chi-square/df = 1.582$; $RMSEA = 0.042$; $CFI = 0.953$). По результатам регрессионного анализа полученных латентных переменных (понятийных способностей, креативности, интеллекта, интеллектуальных достижений) можно сделать вывод о том, что в предсказание реальных интеллектуальных достижений в условиях вузовского обучения наибольший вклад вносят понятийные способности ($\beta = 0.47$; $p < 0.01$), далее по значимости идут аналитический интеллект ($\beta = 0.22$; $p < 0.01$) и креативные способности ($\beta = 0.17$; $p < 0.01$). В составе интеллектуального ресурса, согласно этой модели, с наибольшим “весом” представлены понятийные способности ($\beta = 0.69$; $p < 0.01$) [15].

Аналогично в старшем подростковом возрасте, согласно результатам регрессионного анализа, именно понятийные способности (фактор “операции понятийного мышления”, включающий показатели субтестов шкалы Амтхауэра “Исключение слова”, “Аналогии” и “Обобщение”) вносят наибольший вклад в предсказание реальных достижений учащихся: высокой академической успеваемости ($\beta = 0.43$; $p \leq 0.002$), высокой оценки учителями меры выраженности качеств продуктивного мышления ($\beta = 0.33$; $p \leq 0.001$), количества побед в олимпиадах и интеллектуальных конкурсах ($\beta = 0.45$; $p \leq 0.001$). Вклад факторов “математические способности” и “пространственные способности” в предсказание реальных достижений оказался статистически незначимым [7]. В свою очередь, дополнительно проведенный корреляционный анализ, включающий показатели вербальной (беглость, гибкость, оригинальность) и невербальной (беглость, гибкость, оригинальность, разработанность) креативности и все показатели реальных достижений показал, что высоко значимые связи (на уровне $p \leq 0.01$) со всеми видами реальных достижений (академическими, интеллектуальными, творческими, социальными) имеет только один показатель невербальной креативности, а именно “разработанность” графического стимула (там же). То есть и в этом исследовании по отношению к реальным достижениям снова на первый план выходят те же два вида способностей: понятийные способности (выполнение операций понятийного мышления) и невербальная креативность (порождение некоторого множества

деталей при построении визуального образа реально несуществующего объекта).

Особый интерес в плане оценки роли концептуальных способностей представляют особенности интеллектуальной деятельности “экспертов” — взрослых людей с высокими реальными достижениями в определенной предметной области; опытных; обученных; готовых принимать эффективные решения в экстремальных условиях; способных к экспертному заключению (“решающему совету”). Исследования “экспертов” в области физики (кандидатов и докторов физико-математических наук) ($n = 17$) — в отличие от “новичков” (студентов, изучающих физику и математику) ($n = 39$) — показали, что экспертов отличают более широкое семантическое поле концептов (на примере обыденных и научных понятий) ($p \leq 0.001$); склонность задавать категориальные обобщающие вопросы воображаемому “идеальному компьютеру”, который может дать ответ на любой вопрос ($p \leq 0.01$); склонность порождать более сложный контекст при конструировании условий двух незавершенных физических задач ($p \leq 0.01$ и $p \leq 0.01$ соответственно); готовность строить более сложную концептуальную модель “невозможной” ситуации (описание образа жизни разумных существ в условиях водного мира) ($p \leq 0.001$) [12]. То есть различия между экспертами и новичками идут по линии сформированности категориальных и прежде всего концептуальных способностей.

Таким образом, понятийные способности являются важной составляющей частью индивидуального интеллектуального ресурса, определяя продуктивность интеллектуальной деятельности не только в рамках психометрических измерений (уровень интеллекта и проявления креативности), но и выступая в качестве предиктора реальных (академических, интеллектуальных, творческих, профессиональных) достижений на разных этапах возрастного развития. Смысл этих связей, на наш взгляд, объясняется следующим образом: лица с высокими понятийными способностями отличаются более выраженной направленностью на концептуализацию происходящего: в условиях отсутствия необходимой информации они готовы порождать некоторое новое ментальное содержание, в котором воспроизводится объективированная “ментальная картина” события в единстве его отличительных, категориальных и существенных признаков.

Естественно ожидать, что способность к концептуализации будет играть критическую роль в трудной жизненной ситуации, обеспечивая

совладающий тип поведения за счет специфических особенностей ее концептуальной модели.

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ТРУДНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ И СОВЛАДАЮЩЕЕ ПОВЕДЕНИЕ

Следует отметить, что процессы концептуализации носят ярко выраженный индивидуальный характер, постольку зависят от содержания ментального опыта субъекта и порождаются самим субъектом. Поэтому в их изучении особое значение имеют качественные методы, в частности, в наших исследованиях использовался метод полуструктурированного феноменологического интервью, позволяющий анализировать ответы (тексты) респондентов. Подобный подход имел место при исследовании автобиографической памяти [11; 23].

Роль концептуализации в совладающем поведении изучалась в рамках двух серий исследования: концептуализация как фактор психологического благополучия и сохранения активности в пожилом возрасте; юмор как средство совладания с трудной жизненной ситуацией.

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ И СОХРАНЕНИЯ АКТИВНОСТИ В ПОЖИЛОМ ВОЗРАСТЕ

Выборку составили пожилые люди ($n = 51$, 31 жен., 20 муж.) в возрасте 60–86 лет ($M = 73.1$ года), посещающие Центры социального обслуживания. Они были разделены на две группы по оценке собственной активности и эмоционального комфорта на основании результатов по Шкале субъективного благополучия (в адаптации М.В. Соколовой) [14]. *Первую группу* ($n = 27$, 17 жен., 10 муж.) составили пожилые люди, высоко оценивающие собственную активность, способность управлять своим поведением и удовлетворенные отношениями с окружающими людьми, то есть эффективно совладающие с ситуацией старения. *Вторую группу* ($n = 24$, 13 жен., 11 муж.) составили пожилые люди с низким субъективным благополучием. Использовались следующие методики: 1) полуструктурированное феноменологическое интервью (см. Приложение); 2) Личностный дифференциал (адаптация НИИ им. В.М. Бехтерева) [16]. Для оценки значимости различий между группами использовались многофункциональный критерий Фишера (ϕ^*) и критерий Манна–Уитни (U).

Согласно протоколам интервью, наиболее значимые отличия между этими группами пожилых людей касались описания (особенностей восприятия, понимания и интерпретации) четырех аспектов: жизни вообще и собственной активности, межличностных отношений и своей роли в них, собственных личностных качеств, состояния здоровья.

Так, пожилые люди из *первой* группы – по сравнению с пожилыми людьми из *второй* группы – значимо чаще оценивают и описывают свою жизнь как “в целом позитивную, хорошую” ($\varphi^* = 4.39$; $p \leq 0.000$) и значимо реже как “полную трудностей, тяжелую, негативную” ($\varphi^* = 3.78$; $p \leq 0.000$). Они характеризуют себя как достаточно деятельных, энергичных, самостоятельных и называют значительное количество вариантов собственной активности: домашние дела, прогулки, участие в мероприятиях и концертах, просмотр телевизионных программ, работу на даче, огороде, поездки к друзьям и родственникам, работа в общественных организациях. Представители этой группы включены в разнообразные интеллектуальные занятия (хобби, чтение, приобретение новых знаний и навыков в рамках посещения различных курсов, участие в разного рода встречах с рассказами о пережитых событиях) ($\varphi^* = 1.86$; $p \leq 0.03$).

Для удовлетворенных жизнью пожилых людей из *первой* группы характерно более позитивное представление об отношениях с окружающими, особенно с собственными детьми и внуками, а также позитивные оценки своих взаимоотношений со сверстниками, друзьями в настоящем, в то время как во *второй* группе преобладают негативные впечатления относительно других людей ($\varphi^* = 3.18$; $p \leq 0.0001$): “Подруги есть, но как-то не общаемся сейчас. Говорить-то о чем? Вот на праздники созваниваемся, поздравляем друг друга. Услышишь голос – жива, значит, ну и ладно...” (жен., 76 лет). Важно, что пожилые люди, удовлетворенные общением с близкими и оценивающие себя как общительных, чаще описывают настоящее как счастливое, позитивное, наполненное радостными событиями ($\varphi^* = 3.47$; $p \leq 0.000$).

Среди личностных качеств в *первой* группе особое место занимают общительность, дружелюбие ($\varphi^* = 1.86$; $p \leq 0.03$); позитивный настрой и оптимистичный взгляд на жизнь, чувство юмора ($\varphi^* = 2.66$; $p \leq 0.01$); гибкость ($\varphi^* = 2.66$; $p \leq 0.003$); наличие желаний, интересов, планов ($\varphi^* = 4.64$; $p \leq 0.001$); уверенность в собственных силах и открытость контактам и новым впечатлениям ($\varphi^* = 2.05$; $p \leq 0.02$). У них выше уровень по всем трем интегральным показателям личностного диф-

ференциала: *Оценке* как отражении собственной привлекательности для других ($U = 153$, $p = 0.003$), *Силе* как самооценке выраженности волевых качеств личности и самоконтроля ($U = 133$, $p = 0.002$) и *Активности* как восприятию собственной общительности и экстравертированности ($U = 198$, $p \leq 0.01$).

Наконец, отвечая на вопросы о состоянии здоровья, пожилые люди из *первой* группы оценивают его как в целом удовлетворительное (“в соответствии с возрастом”, “могло бы быть лучше, но стараюсь не унывать, но врачам не хожу”, “слежу за здоровьем, зарядку делаю каждый день”). Пожилые люди из *второй* группы в меньшей мере удовлетворены состоянием своего здоровья (“здоровье очень сильно ухудшилось”, “много времени провожу в больницах”, “хожу по врачам”, “много денег трачу на лекарства”).

Таким образом, пожилые люди, эффективно совладающие с повседневными трудностями в посттрудовой период, то есть характеризующиеся высокими показателями психологического благополучия и собственной активности, обладают достаточно высокой самооценкой и более высоким уровнем самопринятия, адекватно воспринимают собственное старение, переоценивая при этом жизненные ценности, создают себе ту или иную деятельность взамен утраченной профессиональной. Происходят изменения в восприятии социальных отношений: совладающие с трудностями старения пожилые люди не столько требуют помощи и поддержки от окружающих, сколько оказывают ее своим детям и внукам, то есть чрезвычайно важным ментальным ресурсом на этом этапе возрастного развития является понимание своей нужности и востребованности.

Пожилые люди с низким уровнем активности в посттрудовой период и низким уровнем удовлетворенности жизнью характеризуются низким и средним уровнем самооценки, не удовлетворены собственным поведением и своими достижениями, считают себя неспособными контролировать свою жизнь. В частности, мужчины этой группы низко оценивают уверенность в себе, способность справиться с трудностями, а женщины – низко оценивают себя как личность.

В целом психологически благополучных и активных пожилых людей отличает ярко выраженная особенность: способность к концептуализации собственного опыта. Они с удовольствием рассказывают о своей жизни и актуальных событиях, им присуще стремление придать смысл тем или иным событиям, заново оценить в них свою роль, подвести итог, сравнить себя и свои

достижения со сверстниками. Это позволяет говорить о ресурсной роли способности к концептуализации, поскольку последняя обеспечивает интеграцию знаний о себе, мобилизацию своих скрытых возможностей и поиск новых способов совладания с трудностями возраста старости. Иными словами, “вариант старения” во многом определяется особенностями концептуализации (понимания, объяснения, интерпретации) ситуации старения и своей роли в поддержании жизненных сил и психологического благополучия.

ЗНАЧЕНИЕ ЧУВСТВА ЮМОРА В СОВЛАДАЮЩЕМ ПОВЕДЕНИИ

На наш взгляд, чувство юмора можно рассматривать как концептуальную способность, поскольку оно связано с продуцированием смешного, основано на выявлении несоответствий и противоречий, предполагает порождение метафор и множественных интерпретаций событий, игру слов и смыслов. Можно предположить, что не просто наличие чувства юмора, а скорее разные стили юмора могут играть ресурсную роль по отношению к совладанию с трудными жизненными ситуациями.

Выборку составили три группы респондентов в количестве 70 человек: 30 человек в возрасте 19–26 лет (15 муж. и 15 жен.); 25 человек в возрасте 40–48 лет (10 муж., 15 жен.); 15 человек в возрасте 60–75 лет (6 муж. и 9 жен.).

Использовались следующие методики: 1) структурированное феноменологическое интервью (см. Приложение); 2) “Опросник способов совладания” С. Фолкман, Р. Лазаруса (в адаптации Т.Л. Крюковой и др.); 3) “Опросник стилей юмора” Р. Мартина (*Humor Scale Questionnaire, HSQ*, в адаптации Е.М. Ивановой и др.). Опросник диагностирует четыре стиля юмора: а) самоподдерживающий юмор, характеризующийся стремлением поддерживать юмористический взгляд на мир и использованием юмора как стратегии совладающего поведения; б) агрессивный юмор, связанный с использованием юмора для критики и манипулирования другими, утрирования отрицательных черт в человеке; в) affiliативный юмор в виде тенденции шутить в толерантной манере в целях повышения групповой сплоченности; г) самоуничижительный юмор, ориентированный на улучшение межличностных отношений за собственный счет [27].

Согласно протоколам интервью, большинство респондентов (от 60% до 80% в разных возрастных

группах) подчеркивают поддерживающую роль юмора и используют его для позитивного подкрепления своего эмоционального состояния. Отмечается, что юмор может приободрить (особенно это важно для пожилых людей), поднять настроение, позволяет не погрузиться в депрессию, разрядить обстановку, сплотить людей, а также оправдать свои поступки и поступки других людей. С возрастом респонденты все чаще отмечают специфическую функцию юмора: он дает надежду на будущее ($\varphi^* = 3.90$; $p \leq 0.001$).

В интервью респонденты говорят о том, что юмор позволяет посмотреть на ситуацию по-другому, переоценить ее, снизить значимость и стрессогенность. Однако 20% пожилых (для сравнения — только 6–8% в других возрастных группах) говорят о том, что юмор в трудных жизненных ситуациях ничем помочь не может ($\varphi^* = 2.91$; $p \leq 0.001$). Когнитивная переоценка ситуации с помощью юмора с возрастом также имеет тенденцию к уменьшению, что, возможно, связано со снижением способности пожилых людей видеть в жизни ее смешные аспекты. При этом в юности чаще подшучивают друг над другом, в других возрастах, как правило, шутят по поводу ситуации ($\varphi^* = 2.16$; $p \leq 0.015$). Далее выяснилось, что чем старше возраст испытуемого, тем меньше вероятность использования юмора для того, чтобы унизить, высмеять других или управлять ими ($\varphi^* = 2.70$; $p \leq 0.002$).

Корреляционный анализ позволил установить, что разные стили юмора сопряжены с разными стратегиями совладающего поведения:

— *самоподдерживающий* стиль юмора положительно коррелирует с *принятием ответственности* ($r = 0.33$; $p \leq 0.040$); *самоконтролем* ($r = 0.30$; $p \leq 0.01$); *поиском социальной поддержки* ($r = 0.23$; $p < 0.004$); *планированием решения проблемы* ($r = 0.34$; $p \leq 0.003$); *положительной переоценкой* ($r = 0.38$; $p \leq 0.001$) и отрицательно — с *конфронтативным копингом* ($r = -0.35$; $p \leq 0.002$) и *дистанцированием* ($r = -0.25$; $p \leq 0.02$);

— *аффилиативный* стиль юмора положительно коррелирует с *принятием ответственности* ($r = 0.38$; $p \leq 0.001$);

— *агрессивный* стиль юмора положительно коррелирует с *конфронтативным копингом* ($r = 0.49$; $p \leq 0.0001$) и отрицательно — с *самоконтролем* ($r = -0.49$; $p \leq 0.05$) и *принятием ответственности* ($r = -0.27$; $p \leq 0.02$);

— *самоуничижительный* стиль юмора положительно коррелирует с *дистанцированием* ($r = 0.24$; $p \leq 0.05$).

Напомним, что по идее Р. Мартина самоподдерживающий и аффилиативный стили являются здоровыми и адаптивными. Данные корреляционного анализа позволяют говорить о позитивной роли этих стилей юмора в совладании: они способствуют тому, что человек принимает на себя ответственность за происходящее, признает свою роль в проблеме, готов предпринимать шаги, чтобы с ней справиться, сохраняет самоконтроль, интерпретирует ситуацию как менее напряженную и более управляемую, то есть они выступают как специфические механизмы саморегуляции и, соответственно, как предпосылка более эффективных стратегий совладания. В исследованиях Н. Куипера с соавторами были получены сходные данные: люди с развитым чувством юмора чаще прилагают сознательные усилия, чтобы рассмотреть свои проблемы с другой точки зрения, что приводит к более позитивному восприятию событий, категоризации их как вызова, а не угрозы [25]. Напротив, люди, использующие агрессивный или самоуничижительный стиль юмора, как правило, в трудных жизненных ситуациях прибегают либо к дистанцированию и избеганию проблем, либо к враждебности и агрессивному поведению. Однако и в этом случае попытка альтернативного понимания ситуации за счет обнаружения смешного в угрожающем, использования юмора в виде сарказма или высмеивания людей и ситуации снижает чувство угрозы и смягчает отрицательные последствия стресса в краткосрочной перспективе [27].

Таким образом, наше исследование позволяет говорить о ресурсной функции юмора, который за счет специфики концептуализации происходящего может повлиять на индивидуальное поведение в трудной жизненной ситуации. Во-первых, адаптивный юмор позволяет принимать на себя ответственность за происходящее и ориентироваться на решение проблемы и практическую реализацию своих планов, то есть выступает важным механизмом совладания со стрессом. Во-вторых, позитивная роль и полезный эффект использования юмора проявляются прежде всего в восприятии ситуации как менее травматичной, а также возможности посмотреть на происходящее с точки зрения приобретения нового опыта и саморазвития.

ОБСУЖДЕНИЕ

Основной вывод по результатам наших исследований заключается в следующем: на разных этапах возрастного развития ведущую (ресурсную) роль в продуктивности интеллектуальной

деятельности и совладающего поведения в трудных жизненных ситуациях играют понятийные (прежде всего концептуальные) способности, обеспечивающие порождение некоторого нового, объективно значимого ментального содержания и его выражение в адекватных знаковых формах (в виде выявления релевантных деталей, имплицитных признаков и закономерностей, конструирования новых представлений и новых контекстов, построения некоторого множества интерпретаций ситуации, создания метафор и нарративов и т.д.). Можно согласиться с мнением о том, что именно концептуальные способности определяют основной вектор интеллектуального развития личности, поскольку "... в концептуальных структурах спрессованный опыт прошлого и настоящего фактически определяет возможности и диапазон развития будущего опыта" [4, с. 39].

Важно подчеркнуть, что концептуальные способности являются не только предпосылкой продуктивности актуальной интеллектуальной деятельности, но и фактором интеллектуальной сохранности в пожилом возрасте. В нашем исследовании зафиксирован тот факт, что психологически благополучные и активные пожилые люди, наряду со склонностью к концептуализации происходящего, отличаются включенностью в различные интеллектуальные занятия, такие как чтение, просмотр познавательных передач, посещение разного рода курсов (компьютерных, кулинарных, курсов для садоводов и т.д.), передача своего опыта и знаний представителям молодого поколения, что является аргументом в пользу связи способности к концептуализации и интеллектуальной сохранности на поздних этапах онтогенеза.

Характерно, что именно в области изучения интеллектуальной деятельности пожилых людей появилось понятие "нарративный интеллект", который определяется как способность концептуализировать свой опыт и организовывать его в виде устных либо письменных историй [28]. Нарративный интеллект является основой способности давать советы, наставлять и выступать в качестве носителя ценностных знаний. Нарративная деятельность рассматривается как предпосылка интеллектуальной сохранности и высокого качества жизни в пожилом и старческом возрасте. По словам Дж. Брунера, "готовность рассказывать историю своей жизни равноценна желанию и возможности жить" [22].

По мнению О.А. Майоровой, ресурсогенерирующая функция концептуальных способностей

связана с различными формами обогащения индивидуального опыта: 1) аккумуляцией личностного экзистенциального и социокультурного опыта по мере собственного роста и развития; 2) осознанным осмыслением и интерпретацией этого опыта; 3) конструированием на этой основе “дополненной (расширенной) реальности” и “значимой объективной реальности”; 4) сознательным управлением этими процессами в целях выхода на более высокий уровень саморегуляции психической деятельности [10].

Для нас принципиально важным является положение о том, что влияние любой ситуации на поведение опосредовано ее активной интеллектуальной переработкой, и именно индивидуальные различия в форме понимания происходящего сопряжены с мерой мобилизации ментальных ресурсов человека. В связи с этим можно выделить, по крайней мере, два подхода к объяснению того, как субъект мобилизует собственные ментальные ресурсы.

Первый подход объясняет мобилизацию ресурсов через механизм когнитивного оценивания трудной жизненной ситуации и оценку своих возможностей — “Я в ситуации” (*R.S. Larsarus, S. Folkman*, Е.В. Битюцкая, Н.В. Гришина). Е.В. Битюцкая делает вывод о том, что когнитивное оценивание предполагает соизмерение затрат собственных ресурсов и их достаточности/недостаточности для совладания с трудной ситуацией [1].

Второй подход связывает мобилизацию ментальных ресурсов субъекта с процессом концептуализации, в результате которой внутренние характеристики и объекты физической и социальной среды наделяются личностной значимостью и ценностью по отношению к достижению позитивных для субъекта результатов, в том числе в условиях совладания с ситуациями-вызовами (С.А. Хазова, М.А. Холодная). Именно особенности концептуальной модели ситуации являются своего рода модератором между индивидуальными ментальными ресурсами, с одной стороны, и особенностями индивидуального поведения — с другой. Например, концептуализация трудной ситуации в контексте причинно-следственных связей, построение ее альтернативных, в том числе “невозможных” интерпретаций, ее юмористическая переоценка и т.д. способствует мобилизации ментальных ресурсов и, как следствие, развертыванию продуктивного совладающего поведения. В частности, даже неблагоприятные события могут быть истолкованы человеком в позитивном для собственной личности ключе

[29]. Напротив, концептуализация ситуации как угрожающей, безысходной, неконтролируемой приводит к истощению ментальных ресурсов и, как следствие, использованию непродуктивных стратегий совладания. Например, у родителей, воспитывающих ребенка с ограниченными возможностями здоровья, восприятие ситуации как безнадежной истощает их ресурсы, нарушает устойчивость семьи и повышает ее уязвимость перед стрессом [9], приводит к избеганию каких-либо действий по разрешению проблемы и конфронтативному копингу [17].

Аналогично Л.А. Виноградова указывает, что преодоление эмоционально-трудной ситуации определяется специфическими особенностями ее концептуализации: взаимосвязанностью и одновременно дифференцированностью понимания разных сторон трудной жизненной ситуации, соотнесенностью различных форм опыта (прошлого, актуального и рефлексивного), субъективным чувством уверенности в контролируемости ситуации и уверенности в ее преодолении. Если же способность к концептуализации (пониманию и интерпретации) трудной ситуации снижена, то имеет место дезадаптивное поведение (исследование проводилось на выборке мужчин, использовавших убийство жены как средство разрешения межличностного конфликта в семье) [3].

В целом, на наш взгляд, способность к концептуализации играет ключевую роль в интеллектуальном и личностном развитии в разных возрастах, поскольку именно понятийное мышление, согласно К. Попперу, обеспечивает ту комбинацию “свободы и контроля”, которая определяет продуктивные возможности человеческого интеллекта и является основой продуктивного социального поведения личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Битюцкая Е.В. Когнитивное оценивание и стратегии совладания в трудных жизненных ситуациях: Автореферат дисс... канд. психол.н. М., 2007.
2. Веккер Л.М. Психические процессы. Мышление и интеллект. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1976.
3. Виноградова Л.А. Интеллектуальный контроль как фактор преодоления эмоционально-трудной ситуации // Психологический журнал. 2004. Т. 12. № 5. С. 21–28.
4. Волкова Е.В. Трехединый аспект функциональной организации концепта: прошлое, настоящее и будущее // Мир психологии. 2013. № 2. С. 29–41.
5. Волкова Е.В. Уровни организации концептуального опыта как основа осуществления и развития

- творческой деятельности // Мир психологии. 2016. № 1. С. 157–163.
6. *Выготский Л.С.* Мышление и речь // Собр. соч. М.: Педагогика, 1982. Т. 1. С. 5–361.
 7. *Дружинина С.В.* Интеллект, креативность и личностные свойства как факторы реальных достижений: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 2016.
 8. *Знаков В.В.* Психология понимания мира человека. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2016.
 9. *Куфтяк Е.В.* Жизнеспособность семьи: теория и практика // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2014. № 5 (28). URL: <http://mpgj.ru> (дата обращения 11.02.2017).
 10. *Майорова О.А.* Концептуальное состояние личности как когнитивный ресурс // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2015. № 6 (50).
 11. *Нуркова В.В.* Рассказывать о себе, рассказывать себя, рассказывать собой: автобиографический нарратив с позиций культурно-деятельностного подхода // Развитие личности. 2010. № 1. С. 74–92.
 12. *Савин Е.Ю.* Понятийный и метакогнитивный опыт как основа интеллектуальной компетентности: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 2002.
 13. *Сиповская Я.И.* Понятийные, метакогнитивные и интенциональные способности в структуре интеллектуальной компетентности: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 2016.
 14. *Соколова М.В.* Шкала субъективного благополучия. Ярославль: НПЦ “Психодиагностика”, 1996.
 15. *Трифонов А.В.* Понятийные способности как основа индивидуального интеллектуального ресурса: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 2015.
 16. *Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М.* Социально-психологическая диагностика личности и малых групп. М.: ИИП, 2009.
 17. *Хазова С.А., Ряжева М.В.* Динамика совладающего поведения родителей, воспитывающих ребенка с ограниченными возможностями здоровья // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. Серия “Психология. Педагогика. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика”. 2012. Т. 18. № 3. С. 203–209.
 18. *Хазова С.А.* Ментальные ресурсы субъекта: природа, функции, динамика // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. Серия “Психология. Педагогика. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика”. 2014. Т. 20. № 4. С. 47–53.
 19. *Холодная М.А.* Психология понятийного мышления: от концептуальных структур к понятийным способностям. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2012.
 20. *Эпштейн М.Н.* Знак пробела: о будущем гуманитарных наук. М.: Новое литературное обозрение, 2004.
 21. *Ясюкова Л.А.* Закономерности развития понятийного мышления и его роль в обучении. СПб.: Имантон, 2005.
 22. *Bruner J.S.* Narratives of aging // Journal of aging studies. 1999. V. 54. P. 11–32.
 23. *Habermas T.* How to tell a life: The development of the cultural concept of biography across the lifespan // Journal of cognition and development. 2007. V. 8. P. 1–31.
 24. *Kholodnaya M.A., Volkova E.V.* Conceptual structures, conceptual abilities and productivity of cognitive functioning: the ontological approach // Procedia – social and behavioral sciences. 2016. V. 217. P. 914–922.
 25. *Kuiper N.A., Martin R.A., Olinger L.J.* Coping humor, stress and cognitive appraisals // Canadian journal of behavioral science. 1993. V. 25 (1). P. 81–96.
 26. *Li R.* Theory of conceptual intelligence: Thinking, learning and giftedness. N.Y: Praeger Publishers, 1996.
 27. *Martin R.A., Puhlik-Doris P., Larsen G., Gray J., Weir K.* Individual differences in uses of humor and their relation to psychological well-being: Development of the Humor Styles Questionnaire // Journal of research in personality. 2003. № 37. P. 48–75.
 28. *Randell W.L.* Narrative intelligence and the novelty of our lives // Journal of aging studies. 1999. V. 13 (1). P. 11–28.
 29. *Teigen K.H.* How good is good luck? The role of counterfactual thinking in the perception of lucky and unlucky events // European journal of social psychology. 1995. № 25. P. 281–302.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Примеры вопросов полуструктурированного интервью для пожилых людей

1. Представьтесь, пожалуйста. Сколько вам лет? Где (в каком городе, селе) вы родились?
2. С кем вы проживаете?
3. Довольны ли вы прожитой жизнью?
4. Можете ли вы назвать себя счастливым человеком? Почему?

5. Была ли ваша жизнь насыщена событиями?
6. Какие события были самыми яркими в вашей жизни?
7. А какие события запомнились как трудные, тяжелые? Почему?
8. Какой опыт вы приобрели (какие качества, чему научились)?
9. Как вам удалось пережить эти чрезвычайно трудные события? На что вы опирались?

10. Если оценить вашу жизнь с точки зрения приобретений, личностного развития, то чему вас научила жизнь?

11. Какие ресурсы вы приобрели с течением времени?

12. С чем вы можете сравнить вашу жизнь, ваш жизненный путь?

13. Много ли у вас друзей?

14. Как часто вы общаетесь с друзьями? Какие у вас отношения?

15. О чем вы обычно разговариваете? Вспоминаете ли вы молодость? Какие чувства вы при этом испытываете?

16. Устраивает ли вас ваша жизнь сейчас? А ваше состояние здоровья, материальное положение?

17. О чем вы чаще всего думаете: о прошлом, настоящем или будущем?

18. Что помогало вам справляться с трудностями в жизни? Что помогает сейчас?

19. Довольны ли вы тем, что находитесь на пенсии?

20. Как изменилась ваша жизнь после выхода на пенсию?

21. Есть ли у вас увлечения? Чем вы любите заниматься в свободное время?

Примерные вопросы для интервью о роли юмора в трудных жизненных ситуациях

1. Скажите, пожалуйста, понимаете ли вы юмор?

2. Как вам кажется, для чего люди шутят? В каких ситуациях это происходит?

3. Может ли юмор помочь в стрессовой ситуации? Опишите такую ситуацию (что произошло, ваши чувства, действия, как изменялось ваше состояние благодаря юмору).

4. О чем или о ком (по каким поводам) люди шутят чаще всего?

5. Может ли юмор изменить ваше или чужое эмоциональное состояние? Расскажите о такой

ситуации, в которой юмор улучшил или наоборот ухудшил ваше эмоциональное состояние.

6. Может ли изменить эмоциональное состояние чтение литературы с юмористическим содержанием, просмотр комедийных фильмов? Есть ли у вас такой любимый фильм или книга, которые вам помогают улучшить ваше эмоциональное состояние? Расскажите о ситуациях, когда вы это делаете и о ваших чувствах, о том, как они изменяются, когда вы смотрите фильм или читаете книгу.

7. Скажите, как часто вы шутите? Как часто шутили в вашей родительской семье? Часто ли шутят в вашей собственной? Принято ли у вас в семье подшучивать друг над другом? Или вы шутите по поводу каких-либо событий?

8. Какой вид юмора (или виды) — шутки, подтрунивание, ирония, сарказм, анекдоты и т.д. — люди используют чаще всего? А вы лично?

9. Можете ли вы посмеяться над самим собой? Когда это происходит? Опишите такую ситуацию и свои переживания в ней.

10. Бывает ли так, что вы используете юмор против других людей (высмеиваете, подшучиваете)? Как вам кажется, какие чувства у них возникают в связи с вашей шуткой?

11. Часто ли шутят над вами? Какие чувства возникают у вас, когда шутят над вами?

12. Есть ли у вас любимые юмористические фразы (половицы, поговорки, устойчивые выражения), которые вы используете в стрессовой ситуации? Расскажите о такой ситуации и о своих переживаниях и действиях.

13. Есть ли у вас любимый анекдот? Можете ли вы рассказать его? В какой ситуации вы его вспоминаете?

14. Вы шутите в одиночку или в присутствии других людей? Их присутствие важно для вас в такой ситуации? Чем оно вам помогает (мешает)?

15. Есть ли такие ситуации, в которых юмор может быть неуместен?

16. Как вы можете оценить роль юмора в жизни людей вообще?

CONCEPTUALIZATION AS THE BASIS OF INTELLECTUAL ACTIVITY AND COPING BEHAVIOR²

M.A. Kholodnaya^{a*}, S.A. Khazova^{b**}

^a *Federal State-financed Establishment of Science Institute of Psychology RAS;
129366, Moscow, Yaroslavskaya st., 13, Russia.*

^b *Kostroma State University; 156000, Kostroma, Dzerzhinskogo st., 17; Russia.*

* *Sc.D. (psychology), professor, head of laboratory of psychology of abilities and mental resources.
E-mail: kholod@psychol.ras.ru*

** *Sc.D. (psychology), Professor of the Department of special pedagogy and psychology.
E-mail: hazova_svetlana@mail.ru*

Received 13.02.2017

Abstract. The article presents the theoretical and empirical results about the role of conceptualization phenomenon in ensuring the intellectual activity productiveness and the coping behavior effectiveness. Conceptualization is a conceptual cognitive activity, allowing the person to generate a qualitatively new way of understanding what is happening, including other people and oneself. The conceptualization is analyzed in four aspects: structural, functional, procedural and resultative. The authors describe the empirical results, characterizing the functional (the role of generative abilities in intellectual activity productiveness in adolescence, youth and adulthood) and resultative (the construction features of difficult life situation mental model as a coping behavior factor) aspects.

On the basis of a studies series shown that the conceptual abilities are predictors of intellectual activity productiveness in psychometric measurement and also in real achievements (academic, intellectual, creative, professional). The generative ability characterizes the person's ability to generate objectified "mental picture" of an event in the absence of the necessary information.

In studies of conceptualization as a factor of psychological well-being and preserve activity in elderly; and different styles of humor (as the conceptual ability to create funny, metaphors and new meanings) as a ways of coping it is concluded that the conceptual model of the situation and its peculiarities are a moderator between the person's mental resources and the coping behavior effectiveness.

Keywords: conceptualization, conceptual structures, conceptual ability, generative ability, the process of conceptualizing, the conceptual model, intellectual activity, coping behavior.

REFERENCES

1. *Bityuckaya E.V.* Kognitivnoe ocenivanie i strategii sovladaniya v trudnyh zhiznennyh situatsiyah: Avtoreferat diss... kand. psihol.n. Moscow, 2007. (In Russian).
2. *Vekker L.M.* Psihicheskie processy. Myshlenie i intellekt. Leningrad: Izd-vo Leningradskogo un-ta, 1976. (In Russian).
3. *Vinogradova L.A.* Intellektual'nyj kontrol' kak faktor preodoleniya ehmocional'no-trudnoj situatsii // Psihologicheskii zhurnal. 2004. V. 12. № 5. P. 21–28. (In Russian).
4. *Volkova E.V.* Triedinyj aspekt funkcional'noj organizatsii koncepta: proshloe, nastoyashchee i budushchee // Mir psihologii. 2013. № 2. P. 29–41. (In Russian).
5. *Volkova E.V.* Urovni organizatsii konceptual'nogo opyta kak osnova osushchestvleniya i razvitiya tvorcheskoy deyatel'nosti // Mir psihologii. 2016. № 1. P. 157–163. (In Russian).
6. *Vygotskij L.S.* Myshlenie i rech' // Sobr. soch. Moscow: Pedagogika, 1982. V. 1. P. 5–361. (In Russian).
7. *Druzhinina S.V.* Intellekt, kreativnost' i lichnostnye svoystva kak faktory real'nyh dostizhenij: Diss. ... kand. psihol. nauk. Moscow, 2016. (In Russian).
8. *Znakov V.V.* Psihologiya ponimaniya mira cheloveka. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2016. (In Russian).
9. *Kuftyak E.V.* Zhiznesposobnost' sem'i: teoriya i praktika // Medicinskaya psihologiya v Rossii: ehlektron. nauch. zhurn. 2014. № 5 (28). URL: <http://mprj.ru> (data obrashcheniya 11.02.2017). (In Russian).

² The work was implemented within the State task of the FASO Russia, theme No. 0159–2017–0005 "Mental human resources: typology, organization, relation with the productivity of different types of activities" (With the exception of the section "Conceptualization of a difficult life situation and coping behavior").

10. *Majorova O.A.* Konceptual'noe sostoyanie lichnosti kak kognitivnyj resurs // *Sovremennye issledovaniya social'nyh problem (elektronnyj nauchnyj zhurnal)*. 2015. № 6 (50). (In Russian).
11. *Nurkova V.V.* Rasskazyvat' o sebe, rasskazyvat' sebya, rasskazyvat' soboj: avtobiograficheskij narrativ s pozicij kul'turno-deyatelnostnogo podhoda // *Razvitie lichnosti*. 2010. № 1. P. 74–92. (In Russian).
12. *Savin E.YU.* Ponyatijnyj i metakognitivnyj opyt kak osnova intellektual'noj kompetentnosti: Diss. ... kand. psihol. nauk. Moscow, 2002. (In Russian).
13. *Sipovskaya YA.I.* Ponyatijnye, metakognitivnye i intencional'nye sposobnosti v strukture intellektual'noj kompetentnosti: Diss. ... kand. psihol. nauk. Moscow, 2016. (In Russian).
14. *Sokolova M.V.* Shkala sub"ektivnogo blagopoluchiya. – Yaroslavl': NPC "Psihodiagnostika", 1996. (In Russian).
15. *Trifonova A.V.* Ponyatijnye sposobnosti kak osnova individual'nogo intellektual'nogo resursa: Diss. ... kand. psihol. nauk. Moscow, 2015. (In Russian).
16. *Fetiskin N.P., Kozlov V.V., Manujlov G.M.* Social'no-psihologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti i malyh grupp. Moscow: IIP, 2009. (In Russian).
17. *Hazova S.A., Ryazheva M.V.* Dinamika sovladayushchego povedeniya roditel'ev, vospityvayushchih rebenka s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya // *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova. Seriya "Psihologiya. Pedagogika. Social'naya rabota. Yuvenologiya. Sociokinetika"*. 2012. V. 18. № 3. P. 203–209. (In Russian).
18. *Hazova S.A.* Mental'nye resursy sub"ekta: priroda, funkcii, dinamika // *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova. Seriya "Psihologiya. Pedagogika. Social'naya rabota. Yuvenologiya. Sociokinetika"*. 2014. V. 20. № 4. P. 47–53. (In Russian).
19. *Kholodnaya M.A.* Psihologiya ponyatijnogo myshleniya: ot konceptual'nyh struktur k ponyatijnym sposobnostyam. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2012. (In Russian).
20. *Ehpshtejn M.N.* Znak probela: o budushchem gumanitarnykh nauk. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2004. (In Russian).
21. *Yasyukova L.A.* Zakonomernosti razvitiya ponyatijnogo myshleniya i ego rol' v obuchenii. St. Petersburg: Imaton, 2005. (In Russian).
22. *Bruner J.S.* Narratives of aging // *Journal of aging studies*. 1999. V. 54. P. 11–32.
23. *Habermas T.* How to tell a life: The development of the cultural concept of biography across the lifespan // *Journal of cognition and development*. 2007. V. 8. P. 1–31.
24. *Kholodnaya M.A., Volkova E.V.* Conceptual structures, conceptual abilities and productivity of cognitive functioning: the ontological approach // *Procedia – social and behavioral sciences*. 2016. V. 217. P. 914–922.
25. *Kuiper N.A., Martin R.A., Olinger L.J.* Coping humor, stress and cognitive appraisals // *Canadian journal of behavioral science*. 1993. V. 25 (1). P. 81–96.
26. *Li R.* Theory of conceptual intelligence: Thinking, learning and giftedness. N.Y: Praeger Publishers, 1996.
27. *Martin R.A., Puhlik-Doris P., Larsen G., Gray J., Weir K.* Individual differences in uses of humor and their relation to psychological well-being: Development of the Humor Styles Questionnaire // *Journal of research in personality*. 2003. № 37. P. 48–75.
28. *Randell W.L.* Narrative intelligence and the novelty of our lives // *Journal of aging studies*. 1999. V. 13 (1). P. 11–28.
29. *Teigen K.H.* How good is good luck? The role of counterfactual thinking in the perception of lucky and unlucky events // *European journal of social psychology*. 1995. № 25. P. 281–302.